

Мирослав Червенка

СМЫСЛ И СТИХ

Труды по поэтике

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 811.161.1
ББК 83.3
Ч 45

Финансовая поддержка перевода:
Výzkumný záměr Poetika v multikulturním světě, MŠMT,
Filozofická fakulta Karlovy univerzity (Česká republika)

Во время составления и редакции книги финансовая поддержка
оказана также следующими организациями:
Fulbright Commission (USA), Alexander von Humboldt-Stiftung (Deutschland),
FWF (Österreich), Institut d'Etudes Avancées-Paris (France)

Перевод с чешского: *Александр Бобраков-Тимошкин*
Составление и общая редакция: *Томаш Гланц, Кирилл Постоутенко*
Научная редакция перевода: *Кирилл Постоутенко*

Червенка М.

Ч 45   Смысл и стих: Труды по поэтике / Сост. и общ. ред. Т. Гланца,
К. Постоутенко; Перев. с чешск. А. Бобракова-Тимошкина. — М.:
Языки славянской культуры. — 464 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0473-7

Мирослав Червенка — наиболее яркий представитель «пражской школы» структурализма, ученик Яна Мукаржовского и критический последователь Р. О. Якобсона в области стиховедения и общей поэтики. Оказавшись в начале 1970-х годов в вынужденной научной изоляции в связи со своей общественной позицией по поводу оккупации Чехословакии Советской Армией, М. Червенка тем не менее внес принципиальный вклад в формулировку «открытой», «динамичной», «индивидуальной» концепции европейского структурализма.

Книги и статьи М. Червенки переведены на многие языки и хорошо известны международному литературоведческому сообществу. Настоящее издание — первая публикация трудов чешского ученого в России. Книга снабжена библиографическим комментарием и послесловиями, документирующими научную и общественную биографию М. Червенки.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована рукопись О. Бржезины,
предоставленная литературным архивом
Музея чешской литературы в Праге*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0473-7

© А. Бобраков-Тимошкин. Пер. на рус. яз. 2011
© Т. Гланц и К. Постоутенко. Сост., ред. 2011
© Языки славянской культуры, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Индивидуальный стиль и смысловое построение литературного произведения	7
Динамика смыслового объединения произведения и связность текста	26
Четыре «измерения» литературного произведения	38
Литературный артефакт	53
Ритмический импульс чешского стиха	98
Ритмический импульс: замечания и комментарии	110
Принцип свободного стиха	142
Стих и поэзия	158
Семантика стихотворного размера в творчестве Й. В. Сладека	199
Звуковая инструментовка	230
Текстология и семиотика	294
Разрыв Яна Мукаржовского со структурализмом	317
К семиотике самиздата	332
Стиховедческий том «Избранных трудов» Якобсона	342
Структуры и конфигурации	364
Полиметрия «Фауста» в польских и чешских переводах	375
Интервью	403
Томаш Гланц: «Я с удовольствием занимаюсь ремесленной работой»	437
Кирилл Постоутенко: «Сентиментальный семиотик»: Мирослав Червенка и поэтика XX—XXI столетия	447

Предисловие к русскому изданию

Работы, включенные в этот сборник, лишь наполовину созданы в то время, которое я бы назвал периодом второй ориентации и возвращения. Это время нашего знакомства с мировой теорией литературы и возвращения в нее после того, как брежневская оккупация и подлость чешских сталинистов, которые в беде своей родины в целом и в подавлении гуманитарных наук в частности нашли путь для строительства своих карьер, на 20 лет почти остановили процесс первой ориентации и возвращения.

Вышеупомянутая первая ориентация происходила в 60-е годы, когда мы возродили структуралистский и функциональный подход к литературе, предзнаменованием которого была для нас деятельность Пражского лингвистического кружка. Нет необходимости подробно говорить о том, какое значение имели для нас при этом две великие российские теоретические школы — формализм начала века с его поэтикой, которую мы изучали уже как классическое наследие, и близкая нам по духу тартуско-московская школа семиотики культуры, которая, используя во много раз большие силы, быстро воплощала в жизнь то, к чему мы лишь робко тянулись.

Двадцатилетие обновленного тоталитаризма, несмотря на суровые условия для исследователей, которые по большей части не могли зарабатывать трудами по своей специальности и/или реализовывать свои личные научные идеи, не было бесплодным. Как можно заметить на примере более ранних текстов данной книги, ни запрет на публикацию наших трудов, ни почти полная невозможность знакомства с зарубежной специальной литературой не смогли помешать нам далее развивать концепции пражской школы, использовать ее идеи и критиковать труды ее классиков — т. е. постепенно трансформировать пражскую школу путем перехода к моделированию менее жестких и определенных (более «размытых») структур, в которых система проявляет себя менее авторитарно, а инициативе отдельного элемента

(в том числе и личности художника) предоставляется большая свобода, чем это представлялось основателям школы.

В этом же русле находятся и мои работы, созданные после демократической революции 1989 г., т. е. в тот период, который я назвал временем второй ориентировки и возвращения. Мы наконец-то получили возможность проверить свои идеи и выдержать их критику в контексте мировой поэтики и теории литературы, в том числе и по отдельным проблемам и темам и в более узких дисциплинах. Последние результаты этой встречи, которые в моем случае представляют собой сотрудничество и полемику с теоретиками возможных миров, не могли уже быть, к сожалению, включены в этот сборник.

Русский язык позволяет этой книге обратиться не только к исследователям из великой восточноевропейской родины современной поэтики, но и к славистам из различных исследовательских центров в других странах, для которых русский стал языком общения между собой. Я с глубоким уважением отношусь к этому дружественному коллективу, который, помимо прочего, выступает посредником в донесении до остального мира результатов размышлений о литературе в славянских странах; при этом я с благодарностью вспоминаю о помощи, которая в трудные годы тоталитаризма была оказана им свободному чешскому литературоведению. Я благодарю Кирилла Постоутенко, который с самого начала до самого конца заботился об этой книге, о ее концепции, составе, редакции... Благодарю ведущего представителя современной чешской русистики Томаша Гланца за возможность, которую он мне предоставил, став соавтором идеи издания этой книги и организатором ее выхода в свет, благодарю также Александра Бобракова-Тимошкина за его удивительно точный и тонкий перевод.

Мирослав Червенка. Сентябрь 2003

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ И СМЫСЛОВОЕ ПОСТРОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Карелу Гаузенбласу

1. Отношение к вопросу индивидуального стиля в словесном художественном произведении, по поводу которого мы хотим здесь сделать несколько комментариев и предложить ряд тезисов (сделать что-либо большее, в особенности разобраться с богатой литературой, посвященной этому предмету, в данный момент нам не позволяет наше социальное положение)¹, связано, как и множество других проблем в стилистике, с точкой зрения на вопрос синонимии. Существует ли вообще такое явление, как синонимия, в языке, или — более обобщенно — семиотических системах? Не является ли это только наименованием для большей или меньшей близости значений различных обозначающих, причем мера этой близости совершенно произвольна? Можно ли разными способами, т. е. на основе различных актов выбора из заранее данной парадигмы (нет необходимости особенно подчеркивать, что парадигмы создают не только наименования, но и грамматические средства, и не только элементы, но и комплексы языковых средств), сказать одно и то же? Чем вообще определяется — если она существует вообще — такая парадигма?

В этой лавине вопросов существование парадигмы синонимов, вне зависимости от того, как она определяется, кажется чем-то, что мы можем уловить; если бы в нашей языковой компетенции не существовало чего-то подобного, то при любом акте выбора в процессе создания высказывания приходил бы в движение весь арсенал языковых средств. Впрочем, и такую ситуацию нельзя исключить полностью: это — крайний случай, к которому мы обратимся в надлежащий момент.

---

¹ Статья написана в 1976 г. — *Прим. пер.*

Если парадигма не имеет неограниченного множества членов, почему она, напротив, не может иметь лишь 1 член? Что объединяет члены одной парадигмы между собой и что их, уже объединенные, друг от друга отличает?

Возможные различия между языковыми средствами мы можем выразить для наших целей таким образом:

	Смысловое	Различие	
		Стилистическое	
1	+	—	(мать — хлеб)
2	+	+	(мама — хлеб)
3	—	+	(мама — мать)
4	—	—	(твóрог — творóг)

4-й случай нас в данный момент не интересует, так же как и случаи 1 и 2. Для нас имеет решающее значение то, существует или нет случай 3. Допущение его существования, в котором имплицитно содержится и согласие с существованием синонимии, приводит в своих последствиях и к мнению, что в сообщении мы встречаемся с двумя структурами — смысловой (семантической) и стилистической. При создании сообщения, если следовать этой точке зрения, происходит несколько актов стилистического и только стилистического выбора, которые ничего не привносят в сферу смысла — ни сами по себе, ни в целых комплексах средств, создающих стилистические уровни сообщения.

Отрицание существования различий 3-й категории, напротив, вместе с отрицанием последовательной синонимии приводит к тезису, что в сообщении существует одна-единственная структура — смысловое построение. Отдельные стилистические элементы (как самостоятельные, так и являющиеся частью стилистических уровней) действуют как специфический разряд обозначающих, которые своими смыслами участвуют в создании единой семантической структуры сообщения.

Очевидно, для того, чтобы мы вообще могли допустить существование такой дилеммы, мы не можем опереться на узко рационалистическое понимание категории значения (с его ограничением денотации). Такое понимание представляется целесообразным в формальной логике и в некоторых дисциплинах языкознания, однако исключает из сферы внимания семиотики масштабные области того, что реально — и часто в качестве наиболее существенного — сообщается в сообщениях естественного языка посредством коннотаций.

Мы склоняемся к тому, чтобы считать стилистическое построение интегрированным в смысловое. В то же время мы осознаем, что в этом наша позиция предопределена ориентацией на стиль литературного произведения. Опыт обращения с художественными текстами постоянно свидетельствует о том, что в определенных обстоятельствах равные, казалось бы, члены парадигмы различаются по смыслу, пусть даже, например, посредством какого-либо иного уровня произведения. Таким образом, и выбор между простыми словообразовательными дублетами вроде ТВО́РОГ — ТВОРО́Г может иметь в поэтическом тексте важные последствия, поскольку одно из приведенных слов нарушает ритм, а нарушение ритма представляет собой изменение смысла.

Можно, однако, представить себе множество сообщений, в которых и гораздо более очевидные различия между членами одной и той же парадигмы не являются релевантными (или только для смысла, или как для стиля, так и для смысла).

Каждое различие между членами парадигмы потенциально является смысловым различием. Однако то, станет ли эта потенциальность реальностью, зависит от ситуации и типа высказывания.

Представляется, что суггестивная метафора, приравнивающая языковой знак к листу бумаги с двумя неотделимыми друг от друга сторонами, обозначающим и обозначаемым, во многих случаях оказывается в противоречии с замыслом своего автора и приводит исследователя в тупик. Она материализует семантические возможности, содержащиеся в языке, и смысловой процесс (*významové dění*) высказывания проецирует в «сферу идей» — идеальных значений, не зависящих от говорящего и воспринимающего. Значение, однако, не связано с обозначающим обязательно и постоянно, оно постоянно присоединяется к обозначающему в процессе конкретной коммуникации и в зависимости от ее условий и соответствующего кода. Степень релевантности смысловых различий между членами парадигмы, так же как и мера, с которой стилистические различия становятся носителями различий смысловых, таким образом, задаются конкретными условиями коммуникации. *Решение вопроса синонимии невозможно без включения прагматической точки зрения.* В определенной степени это осознавал уже де Соссюр, когда — неосознанно преодолевая механистическую трактовку своего (вышеприведенного) сравнения с листом бумаги — указывал на то, что при выборе из парадигмы члены одной и той же парадигмы связаны *«in absentia* как члены потенциального ряда в памяти» участников коммуникации. Такая память

зависит от условий коммуникации, поскольку именно ее участники используют в ней различным образом организованные парадигмы.

Это, впрочем, не означает психологизации подобной проблематики в целом. Коммуникация, как известно, осуществляется в определенных ситуациях и в рамках заранее данных коммуникативных сфер, которые являются социальными институтами. Характер ситуации и коммуникативной сферы определяет как объем и состав парадигм, так и степень релевантности различий между их членами. Коммуникативная сфера (которая задает положение сообщения между известными стилеобразующими противопоставлениями вроде «публичный» — «частный», «устный» — «письменный», «подготовленный» — «неподготовленный» и т. д.) определяет, таким образом, те свойства сообщения, которые являются существенными для определения его принадлежности к функциональному стилю. Функциональный стиль является коррелятом коммуникативной сферы в области языковой деятельности. (Мы трактуем это понятие, таким образом, несколько уже, нежели пражская школа в целом, которая иногда обозначала его также как «функциональный язык» и включала в общую классификацию наряду с языком профессиональным, коммуникативным и т. п.).

1.1. Стилистический анализ сообщения проводится обычно таким образом, что на основе определенных характеристик (которые мы при этом, кстати, считаем результатами заранее не предопределенных актов выбора из парадигм) мы апостериорно определяем, что сообщение относится к определенному функциональному стилю. Определение стиля, таким образом, происходит лишь в конце этого анализа. В реальной коммуникации происходит обратный процесс. Выбор стиля, предопределенный коммуникативной сферой и ситуацией (составной частью которой, впрочем, являются и намерения говорящего), предшествует актам выбора из парадигм и до определенной меры их предопределяет. Парадигма «синонимов», которую мы можем получить в результате семантического анализа всей системы языка, в этом случае значительно сужается: некоторые ее члены просто не возникают в языковой памяти участников коммуникации, потому что предварительный выбор функционального стиля их уже *a priori* исключил (в разговоре врача-окулиста со своими коллегами едва ли можно представить себе использование синонима «зенки»). Стилистическая характеристика, которая свойственна выбранным средствам в рамках полных (т. е. теоретических) парадигм, не привносит в